

Год издания IX

Выходит 4 раза в год

# Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ  
И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

**№ 23**

**1954**

«ПОСЕВ»

## Книга о Чехове

Хорошо названа книга — и биография, и литература, высокохудожественное повествование о делах и днях, о сердце и душе большого писателя. А прежде всего это уловление и отражение сокровенного, того загадочного в Чехове, мимо которого прошла большая часть критики, не заметив чеховского «общения с великим и святым».

В книге прекрасна ее «собранность»: пятнадцать кратких глав; вся архитектура очень стройная, легкая; «внутри» много воздуха, света, блеска сдерживаемой, задушевной певучести и печали. После всякой главы жалко, что кончилась, а как бы хорошо еще!..

Большой мастер слова и писатель-биограф говорит о писателе, рассказывает о том, кого видел и полюбил. С «Дали времен» — воспоминания о крестьянских предках Чехова — до «Последнего путешествия» — похороны — всё пронизано светом вдумчивого, словно закатного, любования. И даль есть. Есть перспектива в глубь минувшего — всё это было...

В книге раз пять упомянуто и подчеркнуто слово «пронзительный», «пронзает». И есть что-то в прохладном, словно осеннем, тоне повести, нечто, действительно «пронзающее сердце навеки» (слова Достоевского), «В душе холода тонка», пронзающее красотой и грустью. Ведь всякое настоящее искусство и есть тоска по бессмертию в смертных обликах тварного мира.

Местами в книге зарисовки быстры и слова кратки, как в описании встречи Чехова с его «Рахилью», а врезаются, и с какой-то радостной болью думаешь о них, вспоминаешь. Порою язык книги приближается к стихотворению в прозе: «...Все шло медленно, но выходило и торжественнее. Солнце сияло, набегали потоки туч».

**Борис Зайцев.** Чехов. (Литературная биография. Изд-во им. А. П. Чехова, Нью-Йорк, 1954 г., стр. 260.

ки, брызнул дождь, несильный, скоро прошел. В Новодевичьем зеленым блеснула, переливались колокола».

«Уходящая туча, капли с деревьев, отдельные капли с неба, кусок радуги, пересекавший павлиньим узором тучу, золото куполов, блеск крестов, ласточки, прорезавшие воздух, могила, толпа — это и был уход от нас Чехова»... Большого дыхания, длинная фраза (я ее не кончил, а вся хороша), а вместе с тем легкая по постройке; «Павлиньи узоры» радуги так расцветают и радуют «небесным в земном» (Жуковский).

Во всей книге мне чужда житийная тиховейность, она не выпирает: юмористика, мелочи, суета жизни отводится, а не замалчивается. Хороши замечания о «Степи», ее разбор, подчеркивание ю. Христофора; верно и метко: «Она («Степь») выпустила его в большую литературу». Верно и о «капле отравы, без которой редко живет художество. Это — печаль. Мир и жизнь — и прекрасны, и скорбны. Если прекрасны, то уже одно то, что быстролетны, не ранить не может».

Письма Чехова использованы Зайцевым «скупно», а вместе с тем из них взято всегда самое существенное, яркое, вроде той фразы о кровохаркании в письме к Суворину: «В крови, текущей из рта, есть что-то злое, как в зареве». Чехов «был сдержан», «разнообразен и сложен». Нежен и замкнут. Прелестно и трогательно о весне: «В природе происходит нечто изумительное, трогательное... Глядя на весну, мне ужасно хочется, чтобы на том свете был рай».

Да, у Чехова сложная натура, «ум с сердцем не в ладу». Он печалится о себе, что не зовет никуда — «Нет общих идей». Он знает: плохо тому, «кто ничего не хочет, не надеется, не боится». Верю вместе с Зайцевым, что была и «тоска Чехова по

Божеству». Недаром же Чехов стал запечатывать письма старой, еще отцовской, печатью с надписью: «Одинокому везде пустыня». Действительно, русская интеллигенция конца 90-х годов была «мягкой, легкоплавной, возбудимой и чувствительной», и ей совсем по мерке и «Чайка», и «Дядя Ваня», и «Три сестры».

Все о Чеховском театре, как и о любви Чехова и трех значимых женщинах его жизни; дано ясновидяще и исторически правильно. Особенно меня пленила «перспектива» книги, голоса из прошлого — «Даль времен». Разве не чудесно замечание Зайцева, с легкой усмешкой прошлому, об охоте? — «Трудно похвалить их (Чехова и Левитана), однако, за охоту с гончими в мае. Это нискогда не годится. Тургенев просто ужаснулся бы, но он был уже в могиле»...

Все, что я сказал до сих пор, скажет всякий интеллигентный читатель-критик. Мне бы хотелось сказать кое-что и как историку литературы. Делаю я это потому, что и автор биографии не раз роняет интересные замечания, намеки и дает в конце книги прекрасные примечания (Чехов о Толстом, кто послужил прототипом для «Архиерея» и т. п.). Три вопроса возникли у меня при чтении: Если «вряд ли Чехов особенно кого-нибудь любил» (друзья), то было ли не писательское, а внутреннее устремление к Богу любви действительно так же сильно и растуще-развивавшееся, как и позитивизм? Не то же ли часто с Чеховым, что было и с Тургеневым («Стук», «Призраки», «Клара Милич» и т. д.) и Мопассаном («Орля» и др.)? «Касания мил-

рам иным», но каким? И вот тут мне показались странным исключение «Черного монаха» из той цепи «прозрений» в мир иной, о которой лишь с христианско-житийной стороны говорит автор монографии. «Архиерей» лучше написан, но (согласен) значительней, но и «Черный монах» вещь не совсем «чеховская», как и «Драма на охоте» — кое в чем особенное в Чехове. Чехов редко резонер, но ряд страниц «Моей жизни» и других его рассказов, сам стиль, думается, стоит под непосредственным влиянием Л. Толстого...

Второй вопрос касается юмора. Весь ли юмор Чехова только эпизод, писания Антоши Чехонте? Не входит ли яд остроумия, смех и насмешка с улыбкой прощения и в зрелое творчество? Я думаю, что входит в преображенном виде и в ряд драм Чехова. И при мысли об анекдотах-рассказах я вспоминаю южно-русскую стихию. «Лошадина фамилия» уж очень близка к записи Кулиша («Хиба ж птах на верби не сидить»). Истоки юмора и его преображение в зрелые годы — вещь для историка литературы важная и занимательная.

И тут всплывает и третий вопрос — символика. У больших писателей многие имена героев, их прозвища не случайны, глубокозначущи. Есть и в связи с Чеховым юмористом, и с Чеховым позитивистом ряд имен многозвучных и символических. Прав ли я?

Здесь лучше всего ответил бы тот, кто с такой любовью, тактом и художническим чутьем рассказал нам жизнь и раскрыл сердце Чехова, — Б. К. Зайцев.

**Р. Плетнев**

## Лесные глаза

«Здесь отдохну — на солнечном пороге  
Чужой избушки, и пойду опять  
Во мшистом сумраке лесной дороги  
Мои прибы и песни собирать».

Дорога не короткая и не легкая. Привалы редкие, и то на порогах чужих домов. А что за отдых на чужом пороге?

Дорога эта — наша общая, эмигрантская. Мы тоже идем, охаем, сбиваем ноги в кровь. Но мы не умеем, как умеет замечательный поэт зарубежья Лидия Алексеева, смотреть по сторонам жадно-внимательны-

ми глазами. Всё примечать и прятать в кладовую памяти. Мы не умеем, как она, собирать по дороге песни, завязывать в платочек эти драгоценные находки и идти с ними дальше и дальше, все приумножая их, чтоб полны были ими руки и сердце. С такой покладшей и чужое становится нечужим, и все запертые двери отмыкаются, и все звери, и все вещи доверчиво приоткрывают наглухо закрытую скорлупу своей отъединенности.

И поэт, легко переступая за надоевший порог своего «я», радостно ощущает себя то лесной тлёт:

«И как она, в лесу я тоже дома,  
И как она, одно с тобой, земля!»  
то звенящим сверчком:

**Лидия Алексеева.** Лесное солнце. Стихи. «Русская зарубежная поэзия», 3, изд-во «Посев», 1954, стр. 64 + 2.